

Российский сплав : К 70-летию пуска ЧЭМК. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд., 2001.
Сушков А. В. Костюм для первого секретаря обкома... Скандал в руководстве Челябинской области в 1952 г. // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2016. № 2. С. 81–102.

Тимошина Т. М. Экономическая история России : учеб. пособие / под ред. проф. М. Н. Чегурина. 18-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2015.

Туфанов Е. В. Быт и повседневная жизнь советского чиновника в 1920–1930-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. Ставропол. гос. агр. ун-т. 2017. № 2. С. 127–132.

Шатровский район [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 22.11.2018).

Шумской А. В. Региональная политическая элита РСФСР в 1950-е – начало 1969-х гг. : процесс становления и эволюции (на материалах Челябинской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Челяб. гос. ун-т. Челябинск, 2010.

УДК 94(47).084.9:327.5

Е. В. Каменская

«И НЕ ДРУГ, И НЕ ВРАГ»:
ЮГОСЛАВИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х гг.
НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ
И В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ
(по материалам Урала)¹

В статье рассматривается образ Югославии в печати СССР второй половины 1960-х гг. и его восприятие советскими гражданами. Анализируется влияние международной обстановки и, в частности, процессов внутри социальной системы на презентацию Югославии. Основными источниками выступили публикации центральных и региональных газет («Правды», «Литературной газеты», «Советской России», «Труда», «Уральского рабочего», «На смену!»), а также материалы региональных архивов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Югославия, СССР, информационная кампания, советская пресса, общественное мнение, внешняя политика СССР.

Советско-югославские отношения имеют обширную историографию. Достаточно подробно изучен послевоенный период, в том числе такая масштабная проблема, как конфликт между Москвой и Белградом 1948 г.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00216).

[см.: Аниксеев; Югославия...]. Отдельным сюжетом является антиюгославская кампания в СССР. В частности, Н. П. Быстров, Ю. С. Костылев исследовали создание в советской прессе негативного образа югославского лидера И. Броз Тито в конце 1940-х гг. [см.: Быстров; Костылев]. Период 1950-х – начала 1960-х гг. в советско-югославских отношениях освещен в работах А. Б. Едемского, Б. С. Новосельцева, А. С. Стыкалина [см.: Едемский, 2008, 2011; Новосельцев, 2017; Стыкалин, 2006]. В рамках исследований советско-югославских отношений второй половины 1960-х – начала 1970-х гг. большое внимание авторов привлекает проблема взаимодействия в период чехословацкого кризиса [см.: Вреск, 2011; Димич, Чавошки; Животич; Едемский, 2010; Новосельцев, 2018; и др.], обострения национальных противоречий в СФРЮ [см.: Романенко, 2001; 2008; 2011; Руднева, 2008; 2010]. В работе Б. С. Новосельцева в ходе анализа внешней политики Югославии 1960-х гг. рассматриваются и отношения Белграда с СССР [см.: Новосельцев, 2015]. С. А. Романенко в книге «Между “Пролетарским интернационализмом” и “Славянским братством”» освещает весь длительный период взаимоотношений СССР и Югославии [см.: Романенко, 2011]. В ряде случаев исследователи обращаются к анализу освещения в советской печати югославской позиции по отдельным вопросам, к примеру, относительно чехословацких событий 1968 г. [см.: Вреск, 2010; 2011; Стыкалин, 2015]. Восприятие Югославии советскими гражданами в указанные периоды отдельно почти не рассматривается.

В предлагаемой статье анализируется образ Югославии в советской печати во второй половине 1960-х гг. и отношение к ней советских граждан. Данный период характеризуется обострением отношений внутри социалистического блока (чехословацкий кризис, советско-китайский конфликт и т. д.). В ходе работы анализировались материалы центральной и региональной прессы («Правды», «Литературной газеты», «Советской России», «Труда», «Уральского рабочего», «На смену!», «Челябинского рабочего»). Основным источником при определении отношения населения выступили архивные материалы (информации и справки райкомов, горкомов о проведении собраний по международной проблематике, справки о характере задаваемых на лекциях вопросов и т. д.).

Рассмотрим динамику советско-югославских отношений после Второй мировой войны. В ходе завершающего этапа войны и в первые послевоенные годы эти страны имели крепкие дружественные связи. Прослеживалась явная обоюдная заинтересованность. Однако даже в этот «спокойный» период у Москвы и Белграда возникали противоречия на почве

этнополитического устройства послевоенной Европы [см.: Костин, 2011, с. 55–57; Романенко, 2011, с. 426–430.]. В конце 1947 – начале 1948 г. отношения дали серьезную трещину. Не оглядываясь постоянно на Москву при осуществлении внутренней и внешней политики, И. Броз Тито неуклонно терял доверие советских руководителей, в том числе и лично И. В. Сталина. События разворачивались по эффекту снежного кома, и в результате Югославия оказалась в «социалистической изоляции». Пустоту, образовавшуюся вокруг Югославии, довольно быстро заняли капиталистические страны: США, Великобритания, ФРГ. Они видели в советско-югославском конфликте солидные выгоды для продвижения своего влияния на восток и ослабления позиций СССР не только в Европе, но и в мире в целом [см.: Киссинджер, с. 498; Костин, 2011; 2015].

После смерти И. В. Сталина кривая советско-югославских отношений поползла вверх, партийное руководство двух стран стало регулярно обмениваться визитами. Были подписаны Белградская и Московская декларации, в которых подчеркивался принцип невмешательства в дела других стран, возможности разных путей построения социализма. Но тлеющие угли конфликта 1948 г. периодически вспыхивали с новой силой. В частности, И. Броз Тито не одобрил венгерские события 1956 г.

В сторону потепления маятник качнулся в связи с другим кризисом, охватившем социалистическую систему – советско-китайским конфликтом. Чувствуя нарастающую напряженность в отношениях с Пекином, Н. С. Хрущев охотнее пошел на союз с Белградом [см.: Вреск, 2010, с. 147]. Необходимо отметить, что СФРЮ являлась единственным социалистическим государством Европы, никогда не входившим в ОВД. В СЭВ она вошла лишь в 1964 г. как ассоциированный член.

Таким образом, к середине 1960-х гг. СССР и Югославия имели за плечами двадцатилетнюю историю достаточно противоречивых отношений. Данное положение дел не могло не сказаться на «газетном» образе Югославии, а если сказать точнее, – на его отсутствии. Работала установка, сформулированная еще в конце 1950-х гг.: «нет необходимости уделять в нашей печати много внимания политике руководства Югославии... повышенное внимание... отвечало бы интересам югославских руководителей, желающих, чтобы об их политике и идеологии много писали» [Стыкалин, 2006, с. 101]. Материал, касающийся Югославии, буквально просачивался в советскую прессу. Фактически, исходя из публикаций газет, советским гражданам было невозможно составить какой-либо цельный образ данной страны. Это касалось и внутреннего состояния дел в СФРЮ, и ее внешнеполитической деятельности. При анализе материалов

«Правды» за 1965 г. в общем количестве информационных заметок о соцстранах, которых в выборке оказалось 175, лишь одна заметка в рубрике «Коротко» была напрямую посвящена СФРЮ [см.: Правда, 1965, 15 апр., с. 3]. Еще в трех случаях Югославия упоминалась косвенно. По информационному освещению событий в центральной и региональной прессе Югославия уступала не только таким газетным «лидерам», как ГДР, Польша и Чехословакия, но даже КНДР. Реже, чем Югославию, упоминали в печати только Албанию, о которой не писали вообще. Информационная блокада Югославии стала ярким доказательством сложности ее отношений с Советским Союзом, но, с другой стороны, и нежелания развивать активные антиюгославские действия в СМИ.

1966 – первую половину 1968 г. А. Б. Едемский называет «медовым месяцем» СССР и СФРЮ [см.: Едемский, 2011, с. 187]. В доказательство он приводит факты развития экономического сотрудничества двух стран, единства взглядов на некоторые международные проблемы, в частности, в отношении ближневосточного конфликта 1967 г. Потепление в отношениях не вызвало значительного роста газетных статей по Югославии. Но стоит отметить, что в региональной печати стиль заметок о ней и о других социалистических странах был сопоставим. Отклики югославской печати на различные события в СССР размещались вместе с другими соцстранами.

Поскольку сведений из прессы о каких-либо недружественных шагах югославского руководства или иной политической активности Белграда советские граждане не получали, интерес к ситуации в этой стране в 1966–1967 гг. был достаточно низким. Жители Свердловской области на лекциях об отдельных внешнеполитических событиях или международных отношениях в целом редко задавали вопросы о политике Югославии и позиции лидеров СКЮ. Для сравнения: в материалах по Свердловской области за 1967 г. вопросов об отношениях СССР с Румынией и мнении Н. Чаушеску было отмечено почти в 6 раз больше, по Албании – в 3 раза [ЦДООСО, ф. 4 (Свердловский обком КПСС), оп. 71, д. 84, л. 1–186]. Население интересовалось уровнем советско-югославских отношений, состоянием югославской экономики. Вопросы вызывали те аспекты, которые, по мнению граждан, отличали югославскую действительность от советской: «Как развивается Югославия в настоящее время? Развитие хозяйства, объем капиталистического сектора, отношение к нему со стороны правительства» [Там же, л. 156].

В 1968 г. начинается новый кризисный этап в советско-югославских отношениях, вызванный событиями в Чехословакии. И. Броз Тито не разделял позиции руководства СССР и других европейских соцстран относи-

тельно ситуации в Праге, выражал свою поддержку лидерам КПЧ. Еще до начала активной публичной фазы конфликта советские граждане могли видеть по составу участников консультативных встреч, что Югославия по чехословацкой проблеме не поддерживала советское руководство. Это вызывало закономерные вопросы на собраниях [ОГАЧО, ф. 288 (Челябинский обком КПСС), оп. 164, д. 112, л. 77, 84, 95].

В связи с новыми разногласиями в советских газетах появилась критика югославского руководства. В Белграде и Загребе местные журналисты активно обсуждали начавшуюся в Советском Союзе антиюгославскую кампанию, сравнивая ее с периодом травли Югославии со стороны Коминформа [см.: Antic]. Однако критика все же не достигла уровня 1948–1949 гг., когда югославских лидеров открыто называли фашистами, тиранами, убийцами [см.: Быстров, с. 150–159; Костылев, с. 139–142]. Отрицательная оценка И. Броз Тито деятельности советского руководства в отношении Чехословакии летом 1968 г. открыто не находила отражения в газетах, но и слов одобрения также не отмечалось. Раскол в социалистической системе был очевиден, пресса не усугубляла ситуацию: позиция Белграда подавалась косвенно. Схожая ситуация сложилась с Румынией, которая, будучи членом ОВД, не поддерживала советскую позицию в отношении Чехословакии.

В обзорах зарубежной прессы по чехословацкой проблеме присутствовали югославские издания («Борба», «Политика»). Советские журналисты указывали, что югославская печать очень внимательно следит за переговорами социалистических стран с руководством ЧССР. Приводимые цитаты из югославской прессы, с одной стороны, имели общий характер и иногда касались совсем других тем, а с другой стороны, раскрывали позицию Белграда. К примеру, про обсуждение Братиславского заявления в «Борбе» говорилось, что «газета выделяет положение заключительного документа о том, что каждая братская партия, творчески решая вопросы дальнейшего социалистического развития, учитывает национальные особенности и условия» [На смену! 1968, 6 авг., с. 1]. Советское издание не комментировало данный пассаж, однако именно за право Чехословакии самостоятельно определять свой путь построения социализма и выступало руководство СФРЮ. Советские читатели знали, что Югославия отдельно от других соцстран вела переговоры с Чехословакией. В прессе появлялись небольшие написанные в официальном стиле сообщения о югославско-чехословацких встречах.

В связи с ситуацией вокруг Чехословакии интерес советских граждан к политике руководства Югославии заметно вырос. Население встраива-

ло газетную информацию в ранее усвоенный образ Югославии как страны-отступника и очень подозрительно относилось к действиям Белграда. Некоторые выступающие советовали советскому правительству пересмотреть свое отношение к Союзу коммунистов Югославии, устранить их наблюдателей в ОВД [ЦДООСО, ф. 4, оп. 72, д. 93, л. 120].

Обособленность Югославии не была новой темой для населения. Вопросы на собраниях в основном облекались в нейтральную форму, Югославия почти всегда шла в связке с Румынией («Как оценивают происходящие события в Чехословакии правительства Румынии и Югославии?» и т. д. [Там же, л. 49]). Некоторые высказывания содержали обвинения в адрес руководства СФРЮ: «Как Вы считаете – Тито не вбивает здесь клин?» [Там же, л. 47].

После начала военной операции Югославия вместе с Румынией выступила с активным осуждением советской политики вмешательства во внутренние дела Чехословакии, предоставила свою территорию опальным пражским политикам (О. Шик, И. Гаеку и др.). В официальном сообщении ТАСС 25 августа напрямую говорилось о существовании у Москвы серьезных противоречий с югославским и румынским руководством. Эти страны обвинялись в слиянии с «империалистическим хором», оказании «активной помощи чехословацким антисоциалистическим силам», подчеркивалось, что «именно в Белграде и Бухаресте плетут свои интриги политические авантюристы из Праги» [Правда, 1968, 25 авг., с. 1]. В сообщении указывалось, что «братские социалистические страны единодушны в своей решимости последовательно и неуклонно отстаивать завоевания социализма и безопасности социалистического содружества» [Там же]. Следовательно, социалистические государства, руководство которых не присоединилось к этому единодущию, оставались вне «братской» зоны.

Если существовавшие в международной политической среде мнения о возможности использования Советским Союзом военной силы против Румынии обсуждались в советской печати (с критической позиции), то рассматриваемая Западом вероятность советского вторжения в Югославию не находила отражения в печати. С. А. Романенко указывает, что в 1968 г. США обещали Тито поддержку в случае военной угрозы со стороны СССР [см.: Романенко, 2011, с. 671].

В советской печати политика И. Броз Тито и Н. Чаушеску относительно Чехословакии часто рассматривались вместе, но все же газетный образ Румынии был намного мягче югославского. Примером может служить освещение советской прессой национальных праздников Румынии и Югославии, связанных со Второй мировой войной. В «румынском

варианте» публикаций было значительно больше, присутствовали традиционные указания на развитие советско-румынской дружбы и т. д., хотя происходило это в условиях начала операции «Дунай» (23 августа отмечалась 24-я годовщина освобождения Румынии от фашизма).

Памятной датой в истории освобождения Югославии являлось 20 октября. В 1968 г. эта дата совпала с активным обсуждением в прессе советско-чехословацкого договора об условиях временного пребывания советских войск на территории ЧССР. В «Правде» за октябрьскую неделю, в ходе которой велось активное разъяснение важности подписанного документа и показывалось его одобрение со стороны союзников СССР, единственной публикацией, касающейся Югославии, стала статья «Славная дата». Она была полностью посвящена годовщине окончания Белградской операции. В статье не содержалось никаких отсылок к событиям в Чехословакии и в целом к современным советско-югославским отношениям или внутреннему развитию СФРЮ. Конец статьи был сдержанно позитивным: «Совместно пролитой кровью против немецко-фашистских захватчиков скреплена дружба народов Советского Союза и Югославии» [Правда, 1968, 20 окт., с. 4]. На фоне почти тотального отсутствия информации из Югославии это было лишь слабое обозначение возможности нормализации отношений. Нельзя говорить о начале летом-осенью 1968 г. массовой антиюгославской кампании в советской печати, однако маятник советско-югославских отношений снова качнулся к отрицательному полюсу, и пресса не могла не реагировать на это. Югославия, которая в отличие от Румынии уже давно дистанцировалась от СССР, была на газетной «карте мира» ближе к Западу, чем к советскому блоку. Противоположные оценки чехословацких событий вновь это обозначили, и пресса возвела Югославию в ранг врагов социалистических стран наряду с США, странами НАТО и КНР. Отрицательной информации о Югославии было в разы больше, чем о Румынии, а в сообщениях о встречах советских руководителей с представителями СФРЮ отсутствовали классические указания на «дружественную обстановку».

Интерес советских граждан к позиции Югославии резко возрос после начала операции «Дунай», а также увеличения критических сообщений в прессе. На каждом собрании задавались вопросы о причинах негативного отношения к акции стран ОВД югославского руководства [ЦДООСО, ф. 4, оп. 72, д. 93, л. 20, 30, 38, 88, 120, 126, 140 и др.]. Реплики в отношении Югославии были жестче, чем в отношении Румынии. Присутствовали обвинения в предательстве интересов социализма, жела-

нии выйти из социалистического содружества, припоминались прошлые «грехи», в частности, проведение «особого» курса после событий 1956 г. в Венгрии [ЦДООСО, ф. 4, оп. 72, д. 93, л. 120]. Фактически уровень отношения населения к Югославии соответствовал ее образу в прессе: критический настрой не перерастал в открытую агрессию.

С конца 1968 г. публикаций о внутреннем состоянии дел в СФРЮ мало. Строились они во многом по тому же принципу, что и публикации о капиталистических странах. К примеру, заметка «Безработица в Югославии», напечатанная в «Правде», «Советской России» и других изданиях и по названию, и по содержанию была идентична газетным материалам о США, Великобритании, ФРГ и пр. В ней указывалось на неуклонный рост безработицы в республике, неспособность руководства страны повлиять на негативную ситуацию, вынужденную работу югославы за границей [см.: Правда, 1969, 16 февр., с. 5; Совет. Россия, 1969, 16 февр., с. 3 и др.]. Подобные заметки должны были подчеркнуть экономическую нестабильность и социальную незащищенность в стране, которая отошла от правильного пути строительства социализма. Стоит заметить, что в «Правде» визуально на газетной полосе эта заметка была отделена линией от трех заметок из соцстран (Польши, Болгарии и ГДР), что символично подчеркивало нахождение Югославии вне дружественной СССР зоны.

Однако газетный образ Югославии не был в этот период абсолютно негативным. В «Литературной газете» регулярно появлялись небольшие заметки о встречах советских и югославских писателей, выдержанные в приветливом тоне, что указывало на сохранение советско-югославских культурных контактов. В «Труде» сообщалось о сотрудничестве с Югославией в области сельского хозяйства. В региональной прессе, в частности в «Уральском рабочем», время от времени печатались короткие сообщения о каком-нибудь интересном факте или событии из югославской жизни (празднование Дня шахтера, о сборе урожая, разработке антибиотиков и т. д.).

1969 г. ознаменовался ухудшением советско-китайских отношений, рядом вооруженных пограничных конфликтов, крупнейшими из которых стали мартовские бои на о. Даманском. В этих условиях контакты Югославии и Китая лишь усугубляли разногласия между СФРЮ и СССР. Советская печать слабо освещала китайско-югославские отношения, но определенная информация была доступна читателям. 20 марта 1969 г. в «Правде» была напечатана миниатюрная заметка. В разгар советско-китайского конфликта издание информировало о подписании «нового юго-

славо-китайского соглашения о торговле и платежах» [Правда, 1969, 20 марта, с. 5.]. В «Литературной газете» это событие было отражено в перепечатанной из иностранной прессы заметке, т. е. само издание отстранилось от комментариев [см.: Лит. газ., 1969, 19 марта, с. 9]. Отсутствие сведений о поддержке СССР со стороны Югославии в ходе советско-китайского конфликта и даже сотрудничество последней с Пекином в этих условиях явно указывали на наличие противоречий между Югославией и СССР. Через месяц после первого вооруженного конфликта на р. Уссури в «Литературной газете» была напечатана заметка «Метаморфоза белградской “Политики”», в которой прямо говорилось о переходе югославской печати от критики «культурной революции» в Китае к ее восхвалению [Там же, 2 апр., с. 9], что лишь укрепляло мысль о недружественной Москве позиции СФРЮ в советско-китайском конфликте. Население, имея косвенные данные из прессы о положительном отношении СФРЮ к политическому курсу Пекина, интересовалось позицией Югославии относительно событий на р. Уссури [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 103, л. 29].

КПСС, а вместе с ней и компартии почти всех европейских стран и Монголии отказались участвовать в IX съезде СКЮ, проходившем 11–15 марта 1969 г. Информации о нем в советской прессе было крайне мало. Вся она подавалась в виде предельно кратких сообщений фактологического характера. Югославские СМИ в этот период активно обсуждали нарастание партийной полемики между югославскими и советскими коммунистами [см.: Stanković, 1969a; 1969b]. Важно отметить, что в военно-политических изданиях Советского Союза при описании современной расстановки сил в Европе указывалось, что Югославия наравне с Албанией определялась НАТО как «промежуточная зона», т. е. не являющаяся гарантированным союзником СССР при возможном военном конфликте [см.: Ерашов, с. 82]. Авторы открыто критиковали Югославию за постоянный отказ от взаимодействия с ОВД, осуждение советских действий в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г., что, по их мнению, противоречило пролетарскому интернационализму [см.: Мовин, с. 16]. Лагерь отступников от истинного социализма, с военной точки зрения, был четко очерчен, и вместе с КНР и Албанией туда входила и Югославия.

Югославия не участвовала в Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 5–17 июня 1969 г. Почти синхронно с указанным совещанием она провела Совещание неприсоединившихся стран, подчеркнув свою независимость в политической сфере. Отказ присутствовать на мировом коммунистическом форуме в период, когда коммунисти-

ческое движение переживало явный кризис (подавление «Пражской весны», советско-китайский конфликт и т. д.), еще больше отдалил И. Броз Тито от Москвы и от социалистического содружества в целом.

Внимание советских граждан к Югославии в этот период было очень велико. Отсутствие представителей СФРЮ в Москве в июне 1969 г. вызвало много вопросов и усилило настороженность относительно Югославии. На собраниях по случаю проведения Совещания руководство СКЮ обвинялось в забвении помощи, оказанной югославам в годы войны [ЦДООСО, ф. 4, оп. 73, д. 105, л. 21]. Население скептически оценивало проповедуемую Югославией позицию нейтралитета [Там же, л. 40]. При этом существовал определенный интерес к совещанию неприсоединившихся стран, которое слабо освещалось в советской прессе [Там же, л. 40; д. 106, л. 46]. В узком смысле жители Свердловской области пытались выяснить причины отказа Белграда приехать на встречу компартий [Там же, л. 40; д. 106, л. 26, 55]. В более широком плане их интересовал уровень советско-югославских отношений, причины существующих разногласий [Там же, д. 105, л. 101, 121].

В 1970 г. активизировался процесс нормализации отношений Советского Союза с ФРГ. Был подписан договор, который бурно обсуждала советская печать, в том числе посредством публикации положительных откликов социалистических стран. Югославия была вне этого процесса, что по-прежнему указывало на ее обособленное положение. При этом жители Свердловской области интересовались ее позицией в деле сближения с одним из главных идеологов империализма, причиной ее отсутствия на совещаниях социалистических государств [ЦДООСО, ф. 4, оп. 74, д. 140, л. 29, 37, 87].

Таким образом, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. отношения СССР и СФРЮ имели двойственный характер. С одной стороны, активных «боевых действий» стороны не вели. Советское руководство, занятое проблемой кризиса социалистической системы, не хотело обострять ситуацию на Балканах. С другой стороны, со второй половины 1968 г. СССР и Югославия часто сталкивались по вопросам развития социалистической системы, прав отдельных государств проводить самостоятельную политику. Разногласия выливались в обоюдные отказы участвовать в тех или иных политических собраниях, открыто обнажая очередной кризисный период в отношениях двух стран. А в политических кругах Запада продолжала обсуждаться тема «советской угрозы» в отношении Югославии [см.: Yugoslavia...].

Советская печать отражала специфику отношений двух стран. Масштабной критики югославского руководства газетные публикации второй половины 1960-х гг. не содержали, а стиль изложения отдельных заметок вполне укладывался в понятие «дружественный, братский». Однако при комплексном анализе центральной и региональной прессы видно, что Югославия в это время чаще тяготела к лагерю «чужих», чем «своих». Газетного материала было мало. Изредка появлялись публикации, продолжавшие тему экономического кризиса в СФРЮ. Отсутствовали отклики югославской общественности и СМИ относительно различных внешнеполитических акций СССР. Изменения в печатном образе Югославии будут связаны с новым периодом советско-югославских отношений, обозначившимся с начала 1970-х гг. Политическое сближение двух стран отразится и на развитии экономического сотрудничества и на росте позитивных публикаций в прессе.

Аникоев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны». М. : ИСЛРАН, 2002.

Быстров Н. П. Газета «Правда» и закрепление идеологии «фашизм» в массовом сознании (пропагандистская кампания против И. Броз Тито 1948–1953 гг.) // Вестн. РГГУ. 2008. № 11. С. 150–159.

Вреск С. Советский Союз и Югославия в 1968 г.: кризис системы отношений // Вестн. С.-Петербург. гос. ун-та. Сер. 2. История. 2010. Вып. 4. С. 147–152.

Вреск С. Советский Союз и Югославия: проблемы политического взаимодействия в 1955–1971 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

Димич Л., Чавошки Й. Политический кризис в Чехословакии и общественная мысль Югославии // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива) : сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 265–297.

Едемский А. Б. За кулисами советско-югославских отношений (июль–декабрь 1966 г.) // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 1. С. 168–188.

Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М. : Наука, 2008.

Едемский А. Б. Советско-чехословацкие отношения в оценках югославского руководства // 1968 год. «Пражская весна» : сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 228–264.

Ерашов Ю. Антисоветская истерия в НАТО // Коммунист Вооруженных Сил. 1969. № 6. С. 79–83.

Животич А. Югославия, чехословацкий кризис и выход Албании из Варшавского договора // 1968 год. «Пражская весна» : сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной,

Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 330–358.

Киссинджер Г. Дипломатия. М. : Ладомир, 1997.

Костин А. А. Югославия в американской политике сдерживания СССР в 1947–1963 гг. // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2015. № 12. С. 27–36.

Костин А. А. Югославский аспект генезиса холодной войны // Вестн. Вят. гос. гуманит. ун-та. 2011. № 3–1. С. 54–64.

Костылев Ю. С. Языковой портрет Иосипа Броз Тито в советской печати // Полит. лингвистика. 2011. № 1. С. 139–142.

Лит. газ. 1969. 19 марта.

Лит. газ. 1969. 2 апр.

Мовин М. Укрепление военного сотрудничества – интернациональный долг братских марксистско-ленинских партий // Коммунист Вооруженных Сил. 1969. № 9. С. 9–17.

На смену! 1968. 6 авг.

Новосельцев Б. С. Внешняя политика Югославии (1961–1968). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2015.

Новосельцев Б. С. От нормализации к конфликту: советско-югославские отношения весной-летом 1956 г. // Новое прошлое. 2017. № 1. С. 45–56.

Новосельцев Б. С. Советско-югославские отношения в конце 1968–1969 году // Славяноведение. 2018. № 3. С. 43–51.

Правда. 1965. 15 апр.

Правда. 1968. 25 авг.

Правда. 1968. 20 окт.

Правда. 1969. 16 февр.

Правда. 1969. 20 марта.

Романенко С. А. «Хорватская весна» и советско-югославские отношения на рубеже 1960–1970-х годов // Славяноведение. 2008. № 3. С. 60–75.

Романенко С. А. От Дуная до Адриатики // Родина. 2001. № 1–2. С. 176–181.

Романенко С. А. Между «Пролетарским интернационализмом» и «Славянским братством»: Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX – 1991 год). М. : Алетей, 2011.

Руднева И. В. Как Тито Брежневым пугал // Родина. 2008. № 9. С. 102–104.

Руднева И. В. К истории полемики о «Хорватской весне» 1960-х годов // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива) : сб. ст. / под ред. Т. В. Волокитиной, Г. П. Мурашко, А. С. Стыкалина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 533–543.

Руднева И. В. Хорватское национальное движение в конце 1960-х – начале 1970-х годов : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

Совет. Россия. 1969. 16 февр.

Стыкалин А. С. «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Югославский «ревизионизм» в советской прессе конца 1950-х // Мир истории : электрон. журн. 2015. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2015/01/2015-01-stykalin.htm> (дата обращения: 10.01.2019).

Тыкалин А. С. СССР – Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов) // Славяноведение. 2006. № 3. С. 101.

Югославия в XX веке : Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М. : «Индрик», 2011.

Antic Z. Soviet propaganda like cominform's per Yugoslavs 02.09.1968 [Electronic resource]. URL: <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-2-247> (дата обращения: 28.08.2013).

Stankovic S. Soviet-Yugoslav ideological polemics intensifying. 08.04.1969a [Electronic resource]. URL: <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-3-142> (дата обращения: 28.08.2013).

Stankovic S. The ninth congress of the Yugoslav party: big brother's fourth boycott. 11.03.1969b [Electronic resource]. URL: <http://osaarchivum.org/files/holdings/300/8/3/pdf/78-3-216> (дата обращения: 28.08.2013).

Yugoslavia: outworn structure // Intelligence report 20.11.1970 / Central Intelligence Agency (Directorate of intelligence) [Electronic resource]. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/5829/CIA-RDP79T00975A019500090001-6.pdf (дата обращения: 28.08.2013).

УДК 94(47).084

Л. Н. Мазур

НОСТАЛЬГИЯ ПО СССР : ПАМЯТЬ – МИФЫ – ПОЛИТИКА?¹

В статье рассматриваются вопросы формирования ностальгических настроений в российском обществе. Ностальгические настроения, ориентированные на идеализацию советского опыта, выступают в качестве характерной черты современного сознания россиян. В статье освещаются также причины усиления ностальгических настроений и особенности восприятия прошлого на фоне социальной катастрофы, связанной с крушением СССР. Анализируется роль политики памяти и идеологии в трансформации советского мифа в мифологию «золотого века».

К л ю ч е в ы е с л о в а : ностальгия, СССР, прошлое, историческая память, исторический миф.

¹ Статья является сокращенным и переработанным вариантом публикации: *Mazur Liudmila.* Golden age mythology and the nostalgia of catastrophes in post-Soviet Russia // Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes. 2015. Vol. 57, Iss. 3–4, P. 213–238. Special Issue: NOSTALGIA, CULTURE, and IDENTITY in CENTRAL and EASTERN EUROPE. DOI: 10.1080/00085006.2015.1090731.